

МЕНДЕЛЕЕВЦЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМА И РЕКТОРАТА МОСКОВСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

№ 28 (1791)

Издаётся с 1929 года

Среда, 28 сентября 1988 года

Цена 2 коп.

приятному анализу сложившиеся в течение десятилетия методы обучения.

После одного из выступлений председателя Госкомитета СССР по народному образованию Г. А. Ягодина, по тревожным сообщениям из ряда вузов, катастрофически увеличилось число студентов, не посещающих лекции. Студенты поняли перспективу перехода к свободному посещению как буквальный «свободу», дарованную им сейчас, сегодня. Думаю, что решать проблему посещения студентами занятий, в том числе и лекций, нужно принципиально иначе. Альтернатива не в том, пойти на лекцию или в кино, а в том, что

ПЕРЕСТРОЙКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УСПЕХ ЗАВИСИТ ОТ КАЖДОГО

Ф. ПЕРЕГУДОВ, первый заместитель председателя Госкомитета СССР по народному образованию

Около двух лет назад, после публикации проекта Основных направлений перестройки высшей школы, в вузах началось широкое обсуждение проблем их жизни и деятельности. В сущности обмен мнениями продолжается до сих пор, только раньше мы размышляли о том, что предстоит сделать, а сейчас — как вести перестройку, оценить то, что уже удалось сделать.

Мнений много. Те, кто непосредственно отвечает за перестройку в вузах, конечно, хотели бы, чтобы звучало побольше утверждений о том, что перестройка уже состоялась, что уже можно «рапортовать». Студенты и преподаватели придерживаются другого мнения: они считают, что процесс перестройки еще только развивается. Находятся и такие, чьи высказывания крайне категоричны: «Перестройка и не начиналась!» Кто же прав? Наверное, нельзя безоговорочно принять какое-то одно мнение, но можно сказать определенно, что перестройка есть, высшая школа меняется, да и мы сами становимся сегодня иными, нежели были раньше. Уже само множество мнений о вузовской перестройке означает, что в нашем обществе происходят необратимые процессы расширения гласности, демократизации.

Чтобы понять, чего мы сумели достичь за последние два года, нужно прежде всего вспомнить, с чего начинали. Тогда нас прежде всего радовали цифры, показатели. Мы рапортовали, что из года в год растет и вот-вот достигнет 100 процентов успеваемость по общественным дисциплинам, а это означает, что студенты — народ сознательный, они деятельно готовятся к реализации на практике идей социализма. Процент «охвата» студенчества строительными отрядами постепенно стал даже превышать 100 процентов, чему мы тоже радовались. Из года в год сокращались проценты отсева студентов из вузов, и мы были довольны, что все больше молодых людей получают вузовские дипломы. За своей безудержной радостью мы старались не замечать, как девальвируется высшее образование, как расходятся слова и дела в воспитательной работе.

Конечно, опасные симптомы болезни, которыми страдает высшая школа, были нам известны — и преподавателям, и сотрудникам, и студентам. Но об этом не принято было говорить, поэтому-то и широкого обмена взглядами по поводу того, как изменить создавшееся положение, не существовало. И вполне естественно, что, начиная перестройку, мы пришли к выводу: без хорошо развитой системы изучения общественного мнения по тому или иному вопросу никаких объективных оценок хода перестройки получить нельзя. Поэтому в апреле 1987 г. мы начали реализацию программы «Общественное мнение» и уже несколько раз выясняли отношение вузовских коллективов к перестройке системы высшего образования (результаты опросов были опубликованы в «Вестнике высшей школы» № 9 за 1987 г. и № 3 за 1988 г.).

Из множества данных, полученных в результате опросов, больше всего важны, пожалуй, две цифры. Первая говорит о том, что к концу 1987 г. практически 100 процентов опрошенных студентов, преподавателей и руководителей вузов

высказали однозначное отношение к перестройке: «Перестройка необходима, так жить, как мы жили, нельзя». Вторая цифра — 57 процентов опрошенных заняли позицию: «Мы за перестройку, но не знаем, как это делать».

Так что же в конце концов необходимо для успеха перестройки в высшем образовании и в чем она заключается?

Перестройка состоится тогда, когда изменится содержание образования, когда принципиальным образом изменятся отношения между студентом и преподавателем, когда это будут отношения коллег; младшего и старшего, когда один будет иметь желание учиться, а другой — учить.

Перестройка состоится, когда мы перестанем заставлять людей учиться.

Перестройка состоится, если каждый из нас, войдя в аудиторию, начнет работать по-новому, начнет по-новому учить.

Перестройка состоится только тогда, когда те энтузиасты,

аттестации высших учебных заведений; проведена аттестация 14 вузов.

Выяснилось, что в Азербайджанском и Ашхабадском институтах народного хозяйства, Карагандинском кооперативном, Пржевальском педагогическом, Брянском технологическом, Бирском педагогическом институтах, Кабардино-Балкарском университете, Донецком институте советской торговли качество подготовки большинства выпускников не отвечает современным требованиям. Не сумели выполнить контрольные работы, предусматривающие решение упрощенных заданий по основным темам профилирующих дисциплин, от 40 до 90 процентов выпускников Азербайджанского института народного хозяйства, от 64 до 84 процентов выпускников Ашхабадского института народного хозяйства. Неудовлетворительные и слабые теоретические знания показали при выполнении инспекторской контрольной проверки 50 процентов студен-

хозяйственного и Инженерно-строительного институтов. Когда знакомимся с этими результатами, первая мысль — о том, что, вероятно, плохо работала приемная комиссия. Но дело не в этом: проявились пороки школьной подготовки. Наши школьники научены накапливать знания молниеносно, за три-четыре дня, а через месяц-другой у них остается тот самый остаточный фон, который и представляет собой их реальные знания. О чем все это свидетельствует? Прежде всего о том, что педагогический процесс и в школе, и в вузе идет у нас совершенно неудовлетворительно.

Учебный процесс всегда определялся наличием и реальным состоянием четырех основных элементов: студента, преподавателя, информационного обеспечения и материально-технической базы. Все эти четыре элемента должны находиться при этом попарно в нужных соотношениях (1:8 между преподавателем и студентом, 18—22 кв. м на одного студента и т. д.).

Все понимают, что центральная фигура перестройки в учебном процессе — преподаватель; именно он и будет осуществлять перестройку. Преподавателей в вузах свыше 400 тыс., и каждый из них должен быть и хорошим педагогом, и человеком, отлично знающим свой предмет. Таких людей у нас не хватает, особенно на выпускающих кафедрах. Мало тех, кто реально знает современные производственные процессы, состояние дел в народном хозяйстве, его потребности. Преодолевать эту нехватку можно по-разному: привлекать людей с производства (и мы делаем это), повышать квалификацию преподавателей. В системе повышения квалификации пока еще много неиспользованных возможностей.

С 1 сентября 1987 г. введена система конкурсного избрания вузовских профессоров и преподавателей, а также их аттестации в ученых званиях профессора и доцента (это право дано нашему госкомитету). К настоящему времени уже аттестовано около 1500 профессоров и 5600 доцентов. В 117 вузах открыта докторантура по наиболее важным приоритетным научным направлениям; по плану в 1988 г. в аспирантуру принято 17 тыс. человек. Введена стажировка преподавателей на передовых предприятиях сроком от четырех месяцев до одного года. 38 профессоров и доцентов поехали на льготных условиях работать в вузах Сибири и Дальнего Востока, еще 34 преподавателя уехали 1 сентября. Вдвое повышены ставки почасовой оплаты труда преподавателей. Все это делается для того, чтобы привлечь к преподаванию лучшие силы, изменить в лучшую сторону процесс обучения.

Весьма основательно надо менять и информационное обеспечение учебной работы. Нам нужны новые учебники, новое содержание лекций, практических занятий, учебных курсов. Все это сделать очень непросто — в частности потому, что требуется подвергнуть нелице-

эффективнее: идти на лекцию или в библиотеку, на консультацию. Учебный процесс надо строить так, чтобы студент осознал место каждого последующего предмета в общей цепи вузовского обучения, разобрался в том, почему один курс следует за другим, хорошо знал, как вузовские предметы взаимосвязаны и дополняют друг друга. Обязательными должны быть опорные лекции, где показывается и разъясняется логическо-структурная схема, связывающая основные понятия, предметы, формирующие у студента целостное представление о дисциплине. Все остальное — по выбору в сочетании с действенной системой контроля.

На мой взгляд, мы впадаем в крупнейшую ошибку, когда ориентируем студента на решение готовых задач. И он постоянно ждет от нас этих задач, а потом, попадая в реальную жизнь, совсем не знает, чем же ему заниматься. В чем дело? А в том, что мы не научили его выбирать цель своей деятельности. Он не умеет анализировать реальные ситуации, ранжировать их. Он обладает значительными интеллектуальными и временными ресурсами, но не умеет их использовать, или, хуже того, расходует их напрасно на достижение ошибочно выбранной цели. В этой ситуации вполне естественно разочарования, профессиональные и личные драмы. Студента нужно «настраивать» на умение выбирать цель, учить, начиная с выбора темы курсового и дипломного проектов.

Второе, чему мы не учим студента, но обязаны научить, — это умение находить эффективный способ достижения задачи, реализующей поставленную цель. Какую продукцию подчас выпускает наша промышленность? Откуда начинается двукратный перерасход металла в материалоёмкую продукцию? Кто первый допускает при этом ошибку — рабочий или специалист? Конечно, специалист, ведь именно с него начинается жизнь изделия. Значит, он должен уметь моделировать, перебирать решения, искать среди них самое выгодное, самое эффективное. Он должен для этого владеть принципами математического моделирования, владеть системами автоматизированного проектирования, ведь ряд изделий новой техники вообще уже невозможно создать без САПР.

И еще одна проблема: сегодня вуз не учит своих студентов принципам коллективной работы. А ведь сейчас практически все виды человеческой деятельности — коллективные. Обучение же в вузе ориентировано на сугубо индивидуальную работу каждого студента. Мы не учим людей радоваться успехам других и тем порождаем конфликты в коллективах, в том числе и в вузовских, жалобы...

С первого квартала нынешнего года введен в действие экономический механизм частичного возмещения сферой материального производства затрат вузов на подготовку специалиста — 3 тыс. рублей. До-

Менделеевцы на дискуссии «Высшее образование и образованный человек»

которые первыми пошли по пути реформы высшей школы, получат поддержку, не будут сбиты со своих позиций.

Мы мало чего достигнем, если не изменится отношение общества к использованию специалистов и требования к уровню их знаний. Выпускников нужно использовать в соответствии с их специальностью, требования к условиям их использования должны ужесточиться, а к качеству подготовки — усилиться.

Мы мало чего достигнем, если не будет изменено ресурсное обеспечение высшей школы. Нам нужны учебные площади. Индивидуализация учебного процесса невозможна без аудиторий, немыслима в условиях, когда вуз работает в две-три смены. Нужно срочно заниматься техническим переоснащением вузов.

Сейчас необходимо объективно зафиксировать состояние каждого вуза, определить, что и как нужно менять в его работе. Главной оценкой работы вуза стала оценка «выходного продукта», т. е. качества подготовки специалиста: вместе с ГЭК, пользуясь промежуточными методами тестового контроля, инспектор должен определить, каково это качество. Если уровень подготовки специалистов высокий, значит, все хорошо в вузе.

Все это вместе взятое ведет к новому методу оценки — аттестации. Разработано и утверждено Временное положение об-

тов Башкирского медицинского института. Доля неудовлетворительных оценок по клиническим дисциплинам в Туркменском медицинском составила на различных факультетах от 30 до 70 процентов. С учетом этого аттестации ликвидирован Азербайджанский институт народного хозяйства, закрывается Пржевальский педагогический институт, поставлен вопрос об объединении Брянского технологического института и Брянского института транспортного машиностроения, ленинградских Ветеринарного и Сельскохозяйственного институтов. Неаттестованными признаны Ашхабадский институт народного хозяйства, Башкирский, Туркменский и Северо-Осетинский медицинские институты. Условно аттестованы Дагестанский и Бирский педагогические институты. Аттестован только Ленинградский ветеринарный институт.

В сентябре—октябре 1987 г. Госинспекция провела обследование уровня общеобразовательной подготовки более 16 тыс. студентов-первокурсников 63 вузов. С контрольными работами по математике, физике, химии, биологии, истории КПСС в целом не справились 25 процентов студентов, т. е. через полгода после сдачи вступительных экзаменов они продемонстрировали слабую общеобразовательную подготовку. 70 процентов двоек за контрольную по математике получили студенты ивановские Сельско-

(Окончание на 4 стр.)

К нам едут американцы. Едут туристы, бизнесмены, артисты, политики. К таким сообщениям мы уже привыкли, но согласитесь, что зачастую воспринимаем их довольно абстрактно. К нам, т. е. в Советский Союз. Однако во времена перестройки, когда наша страна широко распахнула двери для сотрудничества и прямых контактов, события развиваются так, что начинают вдруг касаться нас самым непосредственным образом. Именно так случилось со мной и моими коллегами, преподавателями МХТИ им. Д. И. Менделеева. Нашей кафедре русского языка для иностранцев предложили сотрудничество русисты Диккенсон-колледжа, университета штата Пенсильвания.

Первоочередная в этом сотрудничестве задача — принять 25 студентов-гуманитариев на летние курсы русского языка. Причем все заботы об их пребывании в нашей стране должны взять институт и прежде всего наша кафедра. Говоря деловым языком, мы вступали в прямые контакты, а нашими партнерами становились не только американские преподаватели-русисты, но и студенты, и как оказалось, из обеспеченных семей. Все вполне закономерно, потому что «прогулка в СССР» каждому стоила ни больше ни меньше чем 3000 долларов.

Из-за океана шли телефонные звонки, детально обговаривалась программа, и особый акцент — где и чем питаться, как передвигаться и, конечно, где жить. Когда ждешь гостей к себе в дом, естественно, наводишь порядок и чистоту. Но одно дело — твой собственный дом, другое — огромный институт, где свои проблемы: строительство новых корпусов, где сосредоточены основные силы. Да еще конец года, когда в старых зданиях текущий и капитальный ремонт.

— Не надо заниматься показухой! Для американцев то же, что и для всех, — категорически заявляли хозяйственники.

Но в действительности вышло, что для американцев не то же, а хуже, чем для всех, потому что конец года в институте — это похлеще, чем конец недели дома — это чужая грязь, чужой беспорядок в старых помещениях... Чужие проблемы, в конце концов! И какое дело до них гостям! Они платят, они и музыку заказывают!

Идем на прямые контакты! А имеем ли право на это? — ставила вопрос зав. кафедрой В. Е. Марусанова. — Уж если взялся за новое дело — напрыгайся и подтягивайся.

Кафедра русского языка стала на какое-то время штабом подготовки летних курсов и своего рода отделением Интуриста на общественных началах.

Помимо составления и корректировки общей программы у заведующей вдруг прорезался дар финансиста. Она мастерски составляла (правда, без помощи главбуха) сметы предстоящих расходов и как настоящий финансист обсуждала их по телефону с заокеанским коллегой. Тем временем ее заместитель И. Р. Аюкян сосредоточила в своих руках казну и, скрупулезно сводя дебет с кредитом, ведя жесточайший учет и контроль, добились (невероятно, но факт для филолога!) экономии средств.

Молодой преподаватель Тереза Сивенко, главный экскурсовод кафедры, сумела заказать Загорск (и это в дни празднования тысячелетия христианства на Руси!), Суздаль, Переделкино, Оружейную палату, музей Бахрушина и еще многое другое, от чего в конечном счете пришлось отказаться из-за перегруженности программы. И, наконец, кафедра «поголовных» театралов, разве могла она не увлечь американцев своим хобби? Поэтому и хлопотали мы о билетах и в оперу, и на балет, и в драмтеатры, и в цирк, и на концерты.

Очень хотелось всем нам новому делу положить доброе

начало, и потому все старались, хлопотали, помогали друг другу. И лишь с «гордым народом» — хозяйственниками — дела складывались непросто.

Долго не хотели они разделять нашего энтузиазма, не поддаваясь даже натиску мощнейшего кулака в лице Марусановой и ее заместителей Н. А. Моргуновой и Ю. А. Косачева.

Даже брешь не удавалось пробить в круговой обороне «наших смежников», хотя не давал им ни дня покоя наш треугольник, все вместе и поодиночке... И тем не менее трудно сказать, чем бы все кончилось, не будь неусыпного контроля со стороны проректора К. М. Тютиной. Это руководитель, который привык не рассуждать о проблемах, а решать их. Именно потому к началу работы курсов и аудитории для занятий, и комнаты для жилья в профилактории были приведены в полный порядок.

Забегая вперед, приведу отзывы наших гостей о бытовых условиях:

«Общежитие было прекрасным, комнаты оказались хорошими и светлыми».

Марк Пальмар.

«Наши условия были приемлемыми, было бы еще неплохо иметь горячую воду и работающие стиральные машины. Питание было неплохим — это даже интересно попробовать непривычную для нас еду».

Джордан Вайсман.

Выдержки эти взяты из отзывов американцев о пребывании в СССР, и каждый из них счел необходимым коснуться бытовых проблем.

Но кто же они, наши слушатели? Это студенты во главе с двумя преподавателями из Диккенсон-колледжа, старшего учебного заведения штата Пенсильвания, где учатся будущие юристы, преподаватели, журналисты, психологи, историки и т. п. Американцы, как нам сказали, не очень увлекаются иностранными языками; в школе, например, начинают их изучать с 14, а то и с 15 лет. А вот Диккенсон-колледж как раз славится тем, что здесь преподают французский, немецкий, испанский, итальянский, греческий, японский, китайский, русский и т. д. По языку идет стажировка в соответствующих странах, русистов привел путь в Советский Союз.

С первой встречи ребята нам понравились — спортивного вида, улыбочивые, живые, любознательные. В какой-то степени эти 20 с лишним человек уже были если не коллективом, то сплоченной группой. Думается, для этого немало усилий положили их руководители Хелен Сегалл и Марианна Сергеевна Боговяленская, преподаватели-подвижники.

«Моя родина была Древней Русью, потом Россией. Теперь это Советский Союз», — говорила нам Боговяленская, о русском духе которой лучше всего говорит сохраненная ею фамилия. В своих учениках старалась вызвать если не любовь, то интерес к великой стране.

Наиболее свободная от предвзятых мнений, как правило, охотно откликалась на идею посетить Советский Союз, но вот родители... всякое бывало...

«Ни пента не позволю своему сыну истратить на наших врагов», — не удержался от выпада один. Другой ему вторил: «Вы что предлагаете? Империя зла? А можете Вы поручиться, что наши дети вернутся домой живыми?»

Хотелось, чтобы хоть изредка внимали голосу правды те, кто упорно не желает расстаться с негативными стереотипами, стремясь во что бы то ни стало видеть в русских дикарей, варваров, деспотов.

Никто, разумеется, не застрахован от бед и несчастий. Случилось это и с нашей гостьей из Диккенсон-колледжа Тришей Рохал. По приезде в Москву она сильно занемогла. Пришлось руководителям вызвать врача из американского посоль-

ства. Но поскольку у больной не оказалось страхового полиса, он как-то быстро потерял к ней интерес. А между тем состояние Триши несколько не улучшалось, и ее положили в советскую больницу. Там врачи помогли девушке справиться с недугом.

Через несколько дней по возвращении в общежитие на чувственные возгласы о том, что ей пришлось перенести, девушка отвечала: «А знаете, в больнице совсем было не плохо!»

Итак, «бедные дети» в Москве. На них обрушилась (не нахожу другого слова) наша программа. Справедливости ради следует сказать, что она составлялась и корректировалась с участием американских коллег.

«Наша группа очень часто была слишком утомлена запланированными экскурсиями. Мне очень нравится путешествовать, но я автоматически отключа-

юсь, если я сижу в автобусе и меня заставляют интересоваться тем, чем мне следует интересоваться».

Дэвид О'Коннор.

«Нам приходилось вставать рано, занятия продолжались до двух часов, потом долго тянулся обед. А после этого были экскурсии, и мы возвращались в общежитие поздно, совсем без сил».

Эвон Фельдман.

«Экскурсии, можно сказать, проводились ударной дозой. Совершенно не нужно посещать больше двух монастырей. Одного Загорска более чем достаточно для удовлетворения интереса к русской православной церкви».

Джордан Вайсман.

Вот тебе и первая осечка. Мы полагали, что каждая экскурсия — это путешествие в нашу историю, к нашим истокам, корням, познание прошлого и настоящего через бесценные памятники культуры. Но, как оказалось, мы столкнулись с другим подходом. Оставалось только признать, что, во-первых, мы ошиблись в оценке аудитории; во-вторых, далекие от Интуриста непрофессионалы в нашем лице перестарались. Впрочем, есть и другое мнение.

«Вспоминая этот месяц, я испытываю потрясение от того огромного количества мероприятий, экскурсий, организованных для нас, множества памятников, исторических мест, которые мы увидели. Должна сказать, что за столь короткое время почти все, что я мысленно планировала, успела сделать».

Саша Донконэкс.

Сравнивая противоположные точки зрения, обращаешь к хорошему предложению Донны Маддокс об индивидуальных экскурсиях. Оно совпало с намерениями наших молодых преподавателей, которые собирались помогать студентам пойти туда, куда им хочется, но контакта не получилось.

Да, не все получилось в новом для института и кафедры деле, хотя душа и восставала против того первого блина, который обязательно должен быть комом, хотя руководители с американской и советской сторон чувствовали себя в одной упряжке.

«Хорошо, если бы были официальные встречи, но даже лифты были отключены на нашем этаже; другие студенты боялись нас посещать, кроме как в предусмотренных случаях».

Донна Маддокс.

«Я думаю, что мы должны находиться в общежитии, которое не было бы изолировано».

Мишель Чейз.

«Я считаю, что не следует закрывать вход на этаж в 1 час ночи».

Марк Пальмар.

Американские слушатели жили в профилактории, где, как в любом медицинском учреждении, предусмотрен режим для хорошего отдыха, восстановления сил. Лифт в профилактории отключен постоянно (это не было сделано специально для американцев). Другого подходящего места для гостей в мае-июне (когда общежитие заполнено) не нашлось. И ни для кого не секрет, что из-за отсутствия свободных мест в московских гостиницах даже Интурист принимает далеко не всех желающих.

Что же касается личных контактов, то тут, наверное, многое зависит от собственной инициативы.

К НАМ

● ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ШТАТА ПЕНСИЛЬВАНИЯ,

«Я познакомился с советскими студентами, которые были очень гостеприимны, терпеливы, приветливы, очень интересны», — пишет Дэвид О'Коннор. — Было здорово иметь возможность шутить, пить пиво, водку, петь и беседовать на все темы, начиная с политики и кончая литературой».

На добрые человеческие контакты с американскими студентами рассчитывали и молодые преподаватели нашей кафедры, которые сами еще год-два назад учились в университете. И каково же было их огорчение, когда мы прочитали: «Мне казалось временами, что преподаватели были с нами на экскурсиях больше для того, чтобы наблюдать за нами, чем практиковать нас в русском».

Сейчас время эмоций позади, трезвый же анализ нам подсказывает: не обошлось тут без традиционного психологического барьера «учитель-ученик». Свободно и естественно вступать в контакт, когда возникла такая необходимость, мешало, вероятно, также недостаточное знание одними — русского, другими — английского языка. И не последнюю роль сыграл, вне всякого сомнения, сложившийся на Западе стереотип снобизма, а порою и кэзбэмани. Дело у нас доходило и до анекдотов. Наш молодой преподаватель Л. М., на общественных началах выполнявший что-то вроде функций администратора (штатная должность полагается в Интуристе), даже в дикую июньскую жару был в костюме и при галстуке, за что его тут же окрестили английским словом «сьют» (костюм), что означало также его принадлежность к КГБ. Однако скоро всеобщая подозрительность обернулась всеобщей симпатией к Л. М., в честь которого на праздничном обеде прозвучал персональный тост.

До этого семинара наши преподаватели не имели опыта работы с американскими студентами. Здесь, в Менделеевском институте, русским и американцам довелось взглянуть друг на друга с самого близкого расстояния. При общем позитивном настроении все-таки чувствовалась напряженность. Даже в аудитории возникал порой какой-то невидимый барьер. Думается, что окончательно русские и американцы превратились в живых и нормальных людей, когда наши слушатели пришли в московские семьи, стали гостями наших преподавателей.

Без фарисейства показывали гостям «хрущобы» с пятиметровыми кухнями и современные квартиры с улучшенной планировкой. Но в совершеннейший восторг, по словам американских руководителей, их питомцев привели «исключи-

тельная теплота и душевность русского гостеприимства, бесподобное угощение».

Потом Саша Донконэкс скажет: «Среди самых драгоценнейших впечатлений — визит к моим преподавателям». И ее слова еще раз подтверждают, как важны и первостепенны чисто человеческие контакты.

Ничего исключительного, однако, не случилось в домах, где принимали гостей. Было, как обычно, все естественно и просто. К молодой преподавательнице Наташе Базарных пришли наиболее юные из наших гостей. Они рассматривали квартиру, нашли ее удобной, похвалили мебельровку и посуду, заодно — и вкус хозяйки.

Сначала поиграли в разные игры. Потом сели за стол, угощение понравилось. Счастливице Лизе достался пирожок «с сюрпризом», маленькой куколкой, которую она захотела увести с собой.

Выходили на балкон, рассматривали квартал и сосед-

ние дома. Потом танцевали, опять сажались за стол. Муж Наташи Вадим выступил в роли солиста, исполнив и русскую песню, и романсы Пушкина, и «Последний троллейбус» Окуджавы. Хор тоже получился славный: тут большими любителями оказались и гости, и хозяйка. Застольные песни чередовались — то русские, то американские. Сфотографировались, конечно, на память.

Уже в 12-м часу ночи в отличном расположении духа вышли на улицу; прогуливаясь по кварталу, добрались до автобусной остановки, где стояли одинокие пассажиры. Американцы приветствовали их, а потом все пытались затянуть «Подмосковные вечера». Им хотелось петь вместе с москвичами.

— Вы знаете «Подмосковные вечера»? — обращались они к ожидающим.

— Знаем, знаем! — улыбались те в ответ.

Потом в своих отзывах наши слушатели отмечали, как дорожили они встречами с советскими людьми прямо на улицах, в толпе, людском потоке. Жалели об одном — слишком мало для этого оставалось времени.

«Советские люди, с которыми я встречалась, относились к нам тепло, заинтересованно, с желанием помочь. Люди в Москве могут показаться замкнутыми, холодными, когда вы видите их в метро, на улице или в троллейбусе. Я думаю, что эти люди кажутся такими только потому, что вы не знакомы. Их естественные эмоции и чувства скрыты под маской внешней холодности, но наедине с собой или в кругу друзей — это радужные, эмоциональные, активные люди. Они, не задумываясь, приглашают вас домой после первого знакомства».

С такой же теплотой, как и москвичей, вспоминают американцы жителей Ленинграда, куда они совершили трехдневное путешествие.

«Встреча с ленинградской молодежью была замечательной. Мы узнали очень много хороших людей, которые с удовольствием показывали нам свой город».

Джейн Херон.

То, чего нельзя отнять у американцев, так это делового отношения ко всему, чем они занимаются. Каждый постоянно задавал себе вопрос о целесообразности всех пунктов программы — будь то поездка в другие города, те или иные экскурсии, а также посещения театра или встречи с советскими людьми. Какой смысл, в чем польза, для чего и какая отдача от того или иного мероприятия...

«Суздаль — пустая трата времени: 4 часа туда, всего 2 часа там и 4 обратно; практически все время в автобусах».

«Мне кажется, драмкружок не помогал нам в фонетике».

«Думаю, что спектакли в театрах были очень хорошими. Это — прекрасное развлечение и отдых».

«Культурная программа была потрясающей. Я видел балеты, концерты и даже цирк».

«Я бы сохранил в программе посещение театра — балета и драмы».

Один из студентов признался, что до приезда в Москву никогда не был в опере, считая ее искусством для избранных. Но «Тоска» в Большом его ошеломила. Не были, как правило, наши слушатели избалованы театром у себя на родине. Когда духовные запросы — пояснили нам — оцениваются в 40 долларов за спектакль, даже обеспеченные люди их ограничивают, а то и совсем отказываются от них, не видя в том

ца университета, вступающая в самостоятельную жизнь. Этот случай и наш прежний опыт на краткосрочных курсах убеждают в необходимости индивидуального подхода, проведения различных консультаций, спецкурсов.

И все-таки наш замысел — это гармоничное сочетание различных видов аудиторной и внеаудиторной работы, которые имеют общую цель — обучение языку. Приятно, что его практическое воплощение не только понято, но и принято.

«Я хочу сказать, что мне понравилась программа. Это было хорошее сочетание культурных, научных и учебных мероприятий, посвященных изучению русского языка. Особенно мне понравились культурные мероприятия, поскольку это то, что мы редко видим в Америке, — балет, опера, литература».

Когда преподаватели подводили итоги, я спросила Е. М. Калло, Н. И. Базарных, В. Г. Кравцову и др., кому были

ственность в обучении студентов кафедрами двух вузов.

Исключительно полезной для себя расценили американские гости встречу в издательстве «Русский язык», где их принимали представители всех редакций во главе с главным редактором А. А. Алексеевой. Знак добрых перемен, которые несет перестройка, увидели в том, что работники издательства проявляли живой интерес к тому, как оценивают выпущенные ими книги не только преподаватели, но и студенты. Как подчеркнула Хелен Сегалл: «Отрадно было узнать также, что в таком специализированном издательстве, как «Русский язык», особенно приветствуют, по словам его главного редактора, совместные работы советских и зарубежных специалистов. Это вселяет в нас большую надежду».

Ну, а какие итоги подводят студенты?

«Это была впечатляющая поездка, я счастлива участвовать в совместном деле Диккенсон-

— Экспромтом такое количество не всякий русский назовет, — удивлялись мы. — Откуда ты их, Лиза, знаешь?»

Девушка ответила, что ей нравится ездить по городу на метро. Здесь гораздо проще ориентироваться и удобнее, чем на подземке в Нью-Йорке. И москвичи ей охотно помогают, она любит с ними знакомиться и разговаривать.

«В одной семье, где в свое время побывали американцы, мне рассказали, как трехлетняя девочка Аня, играя со своими куклами, расставляла посуду:

— Это папе, это маме, а это — Дзейн.

— Кому-кому? — переспросила мать.

— Дзейн из Амелики. Ты забыла, мама? Она летела в самолете.

Как оказалось, во время визита будущая учительница Джейн Херон и маленькая Аня быстро нашли друг друга в многолюдной компании. Они играли в игрушки, вели

кой на добром и мужественном лице. У этого парня на все хватало времени и сил: занятия в классе, упражнения дома, драмкружок, хор, экскурсии, театр, кино — и везде с полной отдачей, там, где нужно, на первых ролях. В том числе и в спектакле драмкружка «О попе и его работнике Балде» по сказке Пушкина. Неудивителен огромный прогресс Марка в языке за какой-нибудь месяц.

И прежде чем скрыться Марку за пограничной стеной, я успела подумать:

— Счастливая мать, у которой такой сын. Хотелось бы посмотреть на нее.

Перебирая отзывы американцев о поездке, я нашла один листок без подписи. Прочитав его, решила, что это написал Марк. — Впрочем, почему обязательно Марк? Это могли сделать Джон Роберт Фразнер, и Фрэнк Лыман, и другие, которые также вызывали к себе большое уважение и симпатию, только я об этом не успеваю рассказать.

ЕДУТ АМЕРИКАНЦЫ

ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДР РУССКОГО ЯЗЫКА ДИККЕНСОН-КОЛЛЕДЖА, УНИВЕРСИТЕТА И МХТИ им. Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА

большого прока. А жалко! Удивительно восприимчивыми к искусству Мельпомены оказались нам молодые американцы.

Независимость в оценках, открытость суждений наших студентов не могли не imponировать. Тем более важно было, что скажут они о занятиях, где мы выступали не как любители, а как профессионалы, впервые работая с американской аудиторией.

Чтобы никоим образом не смущать студентов, предложили отзывы делать анонимно. И лишь потом, решив сделать материал в газету, попросили авторов подписаться, но в самый канун отъезда не со всеми это успели сделать.

«Мне понравилось ходить на ежедневные занятия по русскому языку, что для меня просто удивительно. Мой преподаватель делал занятия интересными и веселыми. Через игры я узнал больше новых слов и выучил грамматику. Мне очень хотелось бы, чтобы в Америку приехала наша преподавательница, тогда я продолжу изучение русского языка. В США следует изучить методику наших преподавателей, которые работают здесь».

Марк Палмер.

«Занятия были отличными, преподаватели, с которыми я контактировала, стремились нам помочь, были доброжелательными и требовательными. Трудности не были непреодолимыми. Я уверена, что мои познания в русском языке намного улучшились».

Мишель Чейз.

«Что касается занятий, я нахожу их чрезвычайно привлекательными, интересными и информативными. Преподаватели, которых я видел и о которых слышал, заслуживают самых лучших слов».

Эван Фельдман.

«Хотя я занимался здесь немного более трех недель, я чувствую большой прогресс в знаниях языка. Занятия в институте были превосходными».

Дэвид О'Коннор.

Цитировать подобные отзывы можно и дальше, но наше внимание привлек другой, едва ли не единственный случай.

«С самого начала следует установить учебную обстановку и давать домашние задания, чтобы занятия в классе и дома были основным пунктом программы. Может быть, нужна даже специальная комната в общежитии, где можно было бы выполнять домашние задания».

Джейн Херон.

Итак, в усиленном занятии языком, может быть, даже в ущерб культурной программе, видят смысл курсовых выпускни-

адресованы самые лестные отзывы, что переживают они сейчас. Почти все говорили о чувстве облегчения — все завершилось благополучно (это нетрудно понять: работа была не из легких). И еще тепло отзывались о студентах: нет хорошего учителя без хороших учеников (закон этот непреложен особенно на краткосрочных курсах).

А дальше как обычно — обсуждение: что получилось, а что надо бы изменить. И кто бы что бы ни говорил, только сам преподаватель способен себя безжалостно контролировать и казнить, сокрушаясь о тех возможностях, которые были в его арсенале, а он их упустил.

Обсуждая свершившееся, все сходилось на мысли, как трудно было подобрать материал для сильных групп, где каждый слушатель достаточно владеет языком, чтобы проявить индивидуальность, акцентировать внимание на интересующих его вопросах. Хорошо бы еще в Америке проводить анкетирование и заранее знакомить нас с актуальной для слушателей тематикой.

Конечно, перестройка волновала всех. Тут и проблемы образования, и культуры, и молодежи, и семьи, и природы... Да разве можно все охватить? Перестройка — это вся наша жизнь. И сколько ни уплывший время, даже за счет языковых упражнений, всего не объять! А ведь отработка языковых норм для иных студентов крайне необходима. Вот и попробуй найди золотую середину.

Размышления продолжают анализ и самоанализ — тоже. Но официальные итоги работы подведены. По словам зав. кафедрой русского языка Диккенсон-колледжа Хелен Сегалл, Менделеевский институт превзошел самые наилучшие ожидания. И как результат — заключение договора между советским и американским вузами о трехлетнем сотрудничестве. Его подписали облеченная высокими полномочиями профессор Хелен Сегалл и ректор МХТИ Павел Джибраелович Саркисов.

В плане сотрудничества предусмотрено дальнейшее совершенствование программы и методов обучения на краткосрочных курсах. Традицией также станет работа советского преподавателя (менделеевца) в американском Диккенсон-колледже. Создаются совместные советско-американские авторские коллективы для подготовки пособий, ориентированных на американскую аудиторию для работы как в условиях США, так и СССР. Тесные контакты американских и советских специалистов дадут возможность осуществлять прием-

колледжа и Менделеевского института».

Кристина Паскарелла.

«Я хочу поблагодарить людей, которые сделали возможной эту поездку, я буду советовать всем съездить сюда».

Дэвид О'Коннор.

«Мне так понравилась поездка, что даже не хочется уезжать из Москвы. Эта поездка помогла мне улучшить русский и заодно развлечься».

Триша Рохал.

Подводя итоги своего пребывания в СССР, молодые американцы размышляли о несоответствии многих сложившихся в США стереотипов тому, что они увидели здесь. Одна из девушек иронизировала над собой, вспоминая, как по приезде, увидев советских солдат в аэропорту Шереметьево, тут же решила, что они пришли сюда арестовать американцев. А вот размышления Марка Палмера:

«В Америке я думал, что еда здесь будет плохой, товаров в магазинах мало, а люди будут несчастными. Еда была хорошей, с магазинами все о'кей, люди — что надо. Больше всего я думал, что русские будут такими дружелюбными, терпимыми к моему русскому и все время будут помогать мне. Я никогда не забуду это путешествие. Я узнал больше за один месяц, чем за последние 10 лет. Я люблю русских и хочу вернуться сюда опять».

Прекрасные чувства рождаются в сердцах, и начинает жить в них добрая память друг о друге. В разговоре с друзьями, коллегами, а порою и наедине с собой воскрешаешь лица, эпизоды, реплики, картины...

Заключительный вечер. Нас, преподавателей, американцы потрясли русской «Барыней». Они не просто пели, они играли, давали представление. Какая грациозность в девушках — просто загляденье! А мужчины — так галантны, один ухажер (простите, «кавалер») лучше другого. И к сердцу руку прижмет, и глаза закатыт, и на колени станет. Ну где тут устоять бедной барыне-сударыне, будь ты хоть красавицей-красавицей! Зрители (среди них П. Д. Саркисов и К. М. Тютина) смеялись до слез и аплодировали до боли в ладонях. А голоса какие, какое проникновение в русскую мелодию и вместе с тем чувство юмора. Вместе с Олей Елизаровой, лаборанткой и художественным руководителем по вдохновению, наши студенты время даром не теряли.

Вспоминается ясноглазая Лиза Эшман, хоть и не училась она в моей группе. На викторине как из рога изобилия сыпала она названиями станций Московского метро и пронзительно их безукоризненно.

какие-то разговоры, и теперь Аня не забывает «американскую подругу», ждет ее в гости и в своем игрушечном царстве ставит для нее прибор.

— Гражданка XXI века — интернационалистка с пеленок, — шутит мать. А мне хочется пометить, чтобы это поколение знало о конфликтах и расприх между народами только по учебникам истории.

Один за другим всплывают эпизоды, и нет им конца. Но вот Шереметьево, где мы прощались с американцами. В зале ожидания, куда мы вошли, я увидела много знакомых лиц. Это были студенты нашего института, которые пришли проводить гостей.

— Вы приедете? Приедете? Приезжайте еще! — слышались кругом взволнованные девичьи голоса.

— Ка-нэч-на, канэч-на! — били парни в ответ.

— Они правда приедут? — обратилась ко мне знакомая студентка. — Что они вам говорят?

— Многие собираются приехать.

Дэвид О'Коннор в окружении плотной толпы спрятал пшеничные кудри под черную меховую шапку.

— Дэвид, тебе не холодно? — пошутила я. — В тени сегодня +25°.

— Нормально, — похлопал он себя по голове, — здесь я ее не потеряю. Это подарили мои друзья.

...Прощальный жест Марка Турнера, атлета, богатыря с застенчивой, обаятельной улыб-

P. S. Когда эта статья была уже написана, из Диккенсон-колледжа пришло письмо.

Глубокоуважаемый Павел Джибраелович!

Я очень рад установлению дружеских отношений между нашими учебными заведениями. Мы в Диккенсоне гордимся нашими зарубежными программами и очень рады, что такой выдающийся институт стал базой для нашей программы в СССР. Профессор Е. Г. Сегалл рассказала мне о том, насколько полезной и приятной оказалась для наших студентов учеба в Вашем институте.

Узнав, что в октябре этого года Вы будете в Соединенных Штатах Америки, я очень хотел бы пригласить Вас, Вашего проректора Калерию Максимуму Тютину и бейсбольную студенческую команду Вашего института на несколько дней в наш колледж. Если это окажется невозможным, я очень надеюсь, что Вы навестите нас хотя бы на день или полдня.

Мне было бы очень приятно познакомиться с Вами, и я лью себя надеждой, что Ваш приезд будет способствовать дальнейшему укреплению дружеских отношений и сотрудничества между нашими учебными заведениями.

С глубоким уважением,
президент А. П. ФРИТШЛЕР.

УСПЕХ ЗАВИСИТ ОТ КАЖДОГО

(Окончание. Начало на стр. 1).

говоры в основном уже заключены, деньги медленно, но начали поступать, к ноябрю на наших счетах ожидается поступление около 400 млн. рублей. Это, конечно, мало, если учесть, что на содержание высшей школы из государственного бюджета выделяется сейчас 4,5 млрд. рублей.

Откуда берутся эти три тысячи? Из фондов развития предприятий, переходящих на новые условия хозяйствования. У многих предприятий сейчас и таких денег еще нет. Когда мы вносили предложение о частичной компенсации затрат на подготовку специалиста, мы знали, что делаем, рассчитывали на то, что сумма, пока еще только обозначенная как условная доплата за качество обучения, побудит предприятия считать свои деньги и отвечать за заказ на специалиста. Расчет оказался верным. Предприятия, не располагающие средствами или имеющие специалистов в излишке, стали от них отказываться. Производство начало строже относиться к молодым специалистам и вместе с тем выше ценить их. Договорные системы не должны подрывать прямых связей. Для вуза заказ предприятия — это стимул для улучшения работы и возможность существенно укрепить свою материально-техническую базу.

Если говорить о материально-техническом оснащении высшей школы, то, судя по всему, в ближайшее время положение должно улучшиться. В 1986 г. капитальные вложения в строительство объектов высшей школы составили 266 млн. рублей, в плане 1988 г. их уже 392 млн. рублей. Правда, цифры плана сами по себе еще говорят не обо всем. Ведь планы строительства пока выполняются весьма неудовлетворительно.

Намечено, что к 1995 г. предприятия, специализированные на производстве учебного лабораторного оборудования для вузов, выпустят продукцию на 260 млн. рублей. Если учесть, что в 1986 г. такого оборудования было произведено всего на 5 млн. рублей, станет ясно, какой крупный скачок придется сделать. Запланированы закупки электронно-вычислительной техники за рубежом, правда, пока в небольших разме-

рах, но и это будет существенным шагом вперед.

Высшую школу нужно оснастить и принципиально новыми учебниками. Какими они будут и нужны ли они вообще? Из XVII—XVIII веков к нам пришло понятие: «Преподаватель читает лекцию». Учебников в те времена было мало, и основная информация шла «с голоса». Сейчас мы все больше и больше переходим к тому, чтобы студент занимался самостоятельно, чаще оставался один на один с учебной литературой. Но количество информации, которое нужно постигнуть студенту, огромно, ее не собрать в учебник, каким бы толстым он ни был. Значит, нам нужны другие учебники, пусть более тонкие, зато более системные.

Чтобы учить качественно, надо обеспечить интеграцию науки, производства, образования. В прошлом году открыто около 500 филиалов кафедр и 100 учебно-научно-производственных комплексов, появились первые научные центры, создаваемые совместно с академиями наук союзных республик, увеличивается количество отраслевых лабораторий. Ученые 55 вузов страны принимают участие в работе межотраслевых научно-технических комплексов.

Серьезные изменения происходят в организации научной работы в высшей школе. Сейчас 61 вуз страны выполняет более 150 заданий по 40 проблемам комплексной программы научно-технического прогресса стран СЭВ. В 1988 г. на 80 млн. рублей увеличился ассигнования из государственного бюджета на проведение в вузах фундаментальных исследований, и это удвоило возможности высшей школы. Впервые в ее практике 20 вузов РСФСР получили государственный заказ на поставку народному хозяйству изделий наукоемкой техники и малотоннажной продукции. В 56 вузах созданы научно-исследовательские части, определены основные направления их деятельности, появились два опытно-конструкторских бюро (по нам их нужны десятки). Однако не все вузы оказываются готовыми к более высоким требованиям, предъявляемым к их научной деятельности. По результатам проверки вузов Узбекис-

тана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана, Молдавии и Эстонии 12 кафедр лишены права вести научную работу.

Уровень исследований, проводимых в вузах, имеет принципиальное значение для качества подготовки специалистов. Вот некоторые цифры. Сейчас подготовка одного специалиста стоит госбюджету от 4 до 8 тыс. рублей; но в вузах, которые используют в учебном процессе результаты научных исследований и получаемые за них средства, стоимость подготовки специалиста достигает 15—20 тыс. рублей (и тем выше ее качество — это доказано!). Поэтому вопрос стоит так: чем более высокие требования мы будем предъявлять к результатам своей работы, тем больше средств мы должны вкладывать в учебный процесс. Часть денег мы получим из государственного бюджета, а часть (и она будет расти!) — от заинтересованных отраслей и ведомств.

На 27 процентов сократился перечень специальностей. Теперь их у нас 301 (в том числе 18 новых специальностей по новой технике и технологии), объединенных в 31 группу. Процесс сокращения количества специальностей был мучительным, пришлось преодолевать большое сопротивление. И все же сокращение пока недостаточно, работу будем продолжать.

Изменены принципы формирования учебных планов. Сейчас около 50 процентов содержания обучения — это фундаментальная подготовка, 35 процентов — общепрофессиональная подготовка, 15 процентов отведены в распоряжение учебных заведений для реализации целевой подготовки по прямым договорам. Содержание общепрофессиональной подготовки теперь определяется учебно-методическими объединениями (УМО) по группам специальностей. Каждый вуз входит по соответствующей специальности в одно из УМО.

Разработка новых учебных планов завершается, уже утверждены более 250. Они предусматривают существенное расширение прав вузов в определении содержания образования, организации учебного процесса. Утверждены экспериментальные учебные планы с

годовой практикой на старших курсах в Новочеркасском, Белорусском и Рижском политехнических институтах.

Важнейший рычаг перестройки высшего образования — демократизация управления, расширение прав вузов. Сегодня в 139 вузах (из 898) ректоры избраны по новым правилам; 188 ректоров, проработавших в этой должности более пяти лет, отчитались о своей деятельности и получили полномочия на следующий пятилетний срок. Процесс выбора ректора — это, как правило, серьезное испытание для коллектива.

Важно только, чтобы выборы не стали способом сведения счетов, ширмой для прикрытия безделья тех, кто не хотел бы перестраиваться. Ведь иногда находятся в вузах те, кто хотел бы выбрать такого ректора, который не мешал бы жить и работать по-старому. Есть и такие, кто просто не готов к выборам, не знает своих прав. Вузу, преподавателям даны сегодня широкие права, и ими надо пользоваться. В конце нынешнего года планируется провести Всесоюзное совещание работников народного образования, где будет, в частности, обсужден проект положения о высшем учебном заведении, и четко обозначено, что находится в компетенции органов управления, а что должно решать учебное заведение.

Ясно, что в такой ситуации существенно должны измениться сами органы управления, к работе в которых нужно привлечь грамотных, компетентных, умных специалистов. Впервые в практике высшей школы сейчас решено до 10 процентов состава Госкомитета по народному образованию привлекать к работе на контрактной основе на срок до пяти лет. Иначе говоря, человек (скажем, из вуза) придет в Госкомитет, передаст свой опыт, сделает все то, что ему кажется нужным и полезным для высшей школы, и, отработав положенный по контракту срок, без обиды, с чувством удовлетворения возвратится туда, откуда пришел. Думаю, что такая форма работы всем нам будет на пользу.

Начался новый учебный год. Он должен стать новым этапом перестройки высшего образования, и от всех нас зависит то, какие новые формы работы, новые подходы будут выработаны.

По материалам «Вестника высшей школы» № 8, 1988.

НЕ ПРОСТО ПОДГОТОВКА В ВУЗ

● Интервью бывшего директора ВХШ Н. Е. Кручинной «Менделеевцу»

Д. П.: Наталья Евгеньевна, начинается новый учебный год, закончились вступительные экзамены в вечернюю химшколу. Популярность ее растет, число желающих поступить также увеличивается. Что могут ожидать школьники от ВХШ в новом году?

Н. К.: В этом году мы существенно увеличили число мест для девятиклассников. Это связано с появлением аудиторных помещений за счет тушинских корпусов. Туда, видимо, и будут ездить раз в неделю девятые классы.

Кроме того, ВХШ постарается максимально отойти от простой подготовки в вуз. Наша задача — расширив и углубив школьные знания по химии, привить ребятам любовь к предмету. Мы попробуем помочь определиться школьникам, чтобы они убедились в правильности выбранного ими пути, чтобы, придя в институт, они не разочаровались, не переживали о сделанной ошибке. Спыт показывает, что около 30% слушателей химшколы уходят в течение года из химии, поняв, что это не их стезя. Но зато те, кто заканчивают школу, — это люди, знающие, что их ждет, куда им идти, и вообще — знакомые с институтом.

Д. П.: Будете ли Вы проводить тот же эксперимент, что и в прошлом году, т. е. выпускной экзамен в ВХШ станет для слушателей вступительным экзаменом по химии в институте?

Н. К.: Мы считаем этот эксперимент полезным. Он был одобрен администрацией вуза и Госкомитетом СССР по народному образованию. Мы надеемся, что нам разрешат продолжить его и в этом году. Кроме того, МХТИ будет ходатайствовать об освобождении школьников, сдавших экзамен в ВХШ на хорошо и отлично, от экзамена по химии в школе.

Д. П.: Наталья Евгеньевна, если химшкола дает такие льготы уже сейчас, а в перспективе они могут быть еще больше, то и требования к химшкольникам должны возрасти. В чем это будет выражаться?

Н. К.: Основной принцип работы каким был, таким и останется, строже станет спрос с учащегося. Как и прежде, будут лекции и семинары, будут зачетные контрольные в течение семестра и семестровые экзамены, но результатам которых безжалостно будут отчисляться те, кто не сдал его.

Д. П.: Вы так рассказываете о ВХШ, что можно подумать, Вы всем довольны. Так ли это?

Н. К.: Конечно, нет. У школы есть свои сложности, свои минусы. Главным считаю то, что химшкола привлекает многим слушателям «комплекс полноценности»: чрезмерная уверенность в своих силах и знаниях. Химшкольники лучше подготовлены по химии, имеют навыки ведения конспектов, что само по себе замечательно. Однако это расслабляет первокурсника, что приводит к далеко не лучшим последствиям. Этот недостаток присущ очень многим выпускникам ВХШ, бороться с ним очень трудно. В этом может помочь индивидуальная работа со студентами.

Интервью подготовил Д. ПИНСКЕР, И-14.

И. о. редактора В. Н. КУДРЯВЦЕВ

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ — ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УЧЕБА

В октябре начинается новый учебный год в системе политического и экономического образования нашего института, его особенностью будет резкое усиление внимания ко всем формам экономической учебы. Это неслучайно: с 1989 года научная часть нашего института переходит на самофинансирование; начата подготовка к частичному или полному переводу на самоокупаемость и учебной части, хотя этот вопрос остается пока дискуссионным.

В соответствии с решением партийного комитета института с октября начинается своя работа методологический семинар по экономическим проблемам СССР, руководить им будет П. Д. Саркисов, а помогать ему — Совет семинара в составе пяти наиболее опытных слушателей. Предполагается, что участниками его станут все деканы и заведующие кафедрами.

На кафедрах создаются экономические семинары по теме «Советская экономика: новое качество роста», их руководителями будут, как правило, заведующие кафедрами, а слушателями — все преподаватели и научные сотрудники. Такая система даст возможность руководителям кафедральных семинаров получать информацию и

обсуждать спорные темы на общеполитическом семинаре, а затем помогать сотрудникам кафедры в ходе изучения вопросов, связанных с экономикой высшего образования в СССР и за рубежом, а также экономических проблем соответствующих отраслей народного хозяйства. Предполагается, что экономические семинары будут работать ежемесячно.

Политическое образование сотрудников в новом году будет осуществляться в форме лекториев и семинаров. Партийный комитет с помощью кафедр общественных наук организует два лектория, посетителями которых смогут все желающие: первый из них — «Исторический опыт КПСС и современность» — посвящен проблемам истории партии и Советского Союза, а второй — «Научно-атеистическое, материалистическое мировоззрение» — должен познакомить нас с основными догмами религии и с их научно-материалистической критикой.

Неясным остается пока лишь вопрос о количестве и составе политических семинаров, поскольку в этом году они будут организованы строго по желанию слушателей. К 25 сентября партбюро первичных организаций должны выявить всех желающих заниматься в том или

ином политехсеминаре, а затем партийный комитет поможет организовать их и подобрать пропагандистов. То же можно сказать и о методологических семинарах, работающих в прошлом году: они будут продолжать свою работу, если наберут достаточно желающих заниматься.

Партийный комитет предполагает, что кружки текущей политики, существующие на кафедрах и факультетах, будут продолжать свою работу под руководством пропагандистов, утвержденных партбюро факультетов. Для членов КПСС, не имеющих высшего образования, организуется школа по изучению материалов XIX партийной конференции. Этой же теме будут посвящены и первые занятия во всех семинарах института.

Высокая политическая и трудовая активность сотрудников и студентов нашего института, все отчетливее проявляющаяся в последнее время, дает основание надеяться, что новый учебный год в системе политического и экономического образования будет интересным и принесет конкретную пользу всем занимающимся.

Партийный комитет готов выслушать и обсудить любые предложения слушателей по этим вопросам.

М. МАНАКОВ, член парткома.

У Р А СКАЛОЛАЗАМ!

5 июня сего года, в День мелiorатора (а день был весьма жаркий) в карьере, расположенном неподалеку от станции Силикатная, состоялась первые классификационные соревнования Свердловского района Москвы по скалолазанию, на которых была представлена единственная в районе секция альпинизма — секция МХТИ.

Первое место занял К. Ермаков (аспирант) и Н. Обручникова (выпускница кафедры НХС), второе — ветераны секции, которые даже помнят последние соревнования МХТИ по скалолазанию, состоявшиеся еще до Московской олимпиады, Ю. А. Игнатьев и Т. В. Бухаркина (кафедра НХС).

Все четверо выполнили нормы III спортивного разряда по скалолазанию (ветераны — не в первый раз), с чем бюро секции МХТИ их поздравляет.

В соревнованиях участвовал аспирант кафедры переработки пластмасс Абхиканкар Чандра (Индия). Бюро секции желает ему новых стартов и больших успехов.

Бюро секции благодарит всех участников соревнований, особенно судью-демонстратора Н. Г. Синюшина (Ф-21), а также участвовавших в подготовке трассы О. А. Рахмана (К-21) и А. А. Малькова (выпускника ИХТ факультета).

Д. ДЕНИСОВ.